

ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА...

О ПЕРЕТОЧНЫМ АКТЕРЕ. «Простак» (он не ви-

новат, что оперетта так цепко держится за свои атрибуты).

Отличная внешность, неподдельное, покоряющее обаяние, органическая пластичность... Все это было с самого начала. Почти достаточно, чтобы рассчитывать на успех и иметь его. А чего, кажется, желать, работая в оперетте, чего требовать от нее?

Видимо, дело в том, во имя чего работать.

Каждый из нас, старых хабаровчан, сейчас не вспомнит, когда он впервые увидел и запомнил Игоря Юрьевича Войнаровского. За 25 лет, что мы его знаем, он как-то очень естественно прошел необычный путь от рабочего сценно до блестящего ее мастера и за эти годы стал дорогой и неотъемлемой «собственностью» нашего города, одной из его ярких красок.

За двадцать пять лет были влеты и неудачи. Было все.

Войнаровский, молодой актер, не имевший никакой профессиональной школы, никакой теоретической подготовки, пытался самостоятельно разобраться в своем нелегком «легком» жанре. Что может этот жанр? Что может здесь актер? Неужели только увеселять?

Скромность и дисциплинированность, не изменившие актеру ни разу, заставляли его уважать чужие знания и опыт и подчиняться даже тем режиссерским требованиям, против которых невольно хотелось протестовать. Игорь читал много, с жадностью, — и мысли Станиславского старался «примерить» к себе, и досадовал, когда их не понимал, и все, что делал в театре, старался объяснить или опровергнуть Станиславским. Иные режиссеры морщились от его

первых робких предложений, а то и попросту отвергали их, как нечто чужеродное, часто даже не объясняя причин.

Человеку, воспитанному «большим» искусством, наверное, все это трудно понять. К тому, что в Москве или Ленинграде воспринималось как «азы» сцены, актеру такого «дальнего» театра довелось прийти куда более сложным и трудным путем. В том и сказался весь Войнаровский, что в обстановке порой очень разнообразных требований, не имея систематической теоретической подготовки и даже возможности как-то получить ее в условиях прежней неразвитости искусства на Дальнем Востоке, он выстоял, нашел верную дорогу, чтобы уже не сойти с нее.

Самым верным союзником была и остается для него новая, советская драматургия. Именно в «советских» спектаклях его поиски приходят к цели быстрее всего.

«Ищи человека»... — вот эта цель. Не традиционного героя (Войнаровский играет и «героев»). Не традиционного чудаковатого, но милого парня-шутника или шутника «на возраст». Нет, — человека, во всей его сложности и значительности, человека, которого обязательно надо «поселить» и в жанре оперетты.

«Москва, Черемушки». Так просто, кажется, Войнаровскому сыграть празднующегося стилиста — играл он их и раньше. Но Войнаровский не накладывает ярлыка. Его Борис вовсе не так пошел и совсем не безнадёжен. За апломбом явно проскальзывают нотки недовольства собой. Чувствуешь — Борис все чаще

размышляет о людях и о себе, понимаешь — он ищет дорогу и найдет ее, конечно.

Большую, обобщенную мысль несет замечательно «живой» боцман Войнаровского — боцман из «Севастопольского вальса». Этот

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

человек из тех, на которых «стоит» наше государство. Но нигде ни на секунду не превращается боцман в плакатного богатыря. Войнаровский боится «лововых» решений. Сколько черточек, глубоко индивидуальных, скупых и неброских, как в жизни, не рассчитанных на то, чтобы намеренно обратить на себя внимание, — сколько их нашел актер для характеристики этого человека. На фронте он суров и сдержан, но боль его человеческую все равно чувствуешь до того, что сжимается сердце. В отставке, сняв погоны, боцман немножечко смешон — не жалок, нет: просто хочется улыбнуться от полноты сочувствия богатырю, на которого словно бы надели тесный костюм. Прежнее, обычное стремление скрыть свои чувства видно теперь в том, что боцман прячет глаза за ненужными очками, но взгляд его, грустный, чувствуешь и сквозь очки. И он преобразается — как Войнаровский преобразается! — снова вернувшись в строй тружеников, и прежний металл в голосе, и прежняя выправка, и всплески горячего, радостного чувства — все это рождает в зале шумный от-

клик. Да, человек этот таков, что не может жить, не принося пользы.

А на следующий вечер вчерашний трудовой человек волею репертуарного плана превращается в графа Лососиноостровского. И в нем, «отщепенце», актер ищет возможности «объяснить» эту судьбу, закончить ее не только внешне, предписанными условиями драматургического материала, но и как бы «изнутри», психологически. В последней сцене, когда Лососиноостровский просит милостыню у советских артистов, в зале вдруг наступает мертвая тишина. Не сильные, но какие острые, хватающие за душу ноты прорвались вдруг в сбивчивой речи этого бывшего графа. Что, он переоценивает свою жизнь? Нет, он давно опоздал к этому.

Войнаровскому от природы свойственно удивительное чутье, его «чувство меры» кажется взвешенным на каких-то очень точных весах. Он никогда не превращает оперетту в драму, но «прозрение» или «раскаяние» его героя всегда будет трудным и выстраданным и вместе с тем вполне опереточным: жанр он чувствует прекрасно. Опереточным вокалом, танцем, особо трудным искусством в данном жанре, сценической дикией Войнаровский владеет в совершенстве. Но при этом еще актер вносит в каждую свою роль, а часто и во весь спектакль тот богатейший драматический подтекст, который толкает зрителя к выводам и сопоставлениям, к размышлениям о жизни.

Вот это Войнаровский сумел отыскать в своем жанре, это он

реализует в каждой новой своей работе, ко- го бы ни играл: Яшку Буксира в «Белой акации» или маменькиного сына Бориса в оперетте «У нас, на Дальнем Востоке», синьора Чезаре в «Последние Чаниты» или Бони в «Сильве». Да, даже традиционный Бони стал совсем иным за эти годы, чем мы его привыкли знать: его кажущаяся легкость и беззаботность — только дань лжиному «обществу», только защитная маска, под которой он прячет свои настоящие человеческие чувства.

КОГДА Хабаровск отмечал пятидесятилетие заслуженного артиста РСФСР И. Ю. Войнаровского, в большом зале Театра музыкальной комедии невозможно было найти — не кресло, нет, — хотя бы свободный сантиметр, чтобы как-то встать одной ногой. Встречали на улице, за квартал, спрашивали «билетики».

Поздравления затянулись. Выходили рабочие с «Дальдизеля», с которыми у Войнаровского давняя шефская дружба, и рабочие заводов, где он не бывал. Подарки были такие, которые дарят только очень хорошим товарищам, донельзя «своим».

— Нашему любимому боцману — боцманскую дудку, — говорил представитель речников.

А знаменитый на всем Дальнем Востоке охотовед и охотник В. П. Сысоев, самолично уложивший всех тех медведей, что выставлены теперь в краеведческом музее, подарил Войнаровскому корень жень-шеня и произнес поэтическую речь.

Эта обстановка сердечной неофициальности в официальном торжестве была самым приятным и волнующим даром. Люди не жалели сердечного тепла. Они просто по долгу возвращали его человеку, который так хорошо знает, во имя чего он работает. Во имя кого.

Л. МАЛИНОВСКАЯ.
ХАБАРОВСК.